

**АНАЛИЗ ЭПИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ.
ЛОГИКА ПОЛОЖЕНИЙ**

(«Тот свет» в «Преступлении и наказании»)

Разговор на конкретную тему следует предварить общими соображениями, касающимися поэтики эпического произведения. Сошлюсь для начала на слова Достоевского в письме к брату от 3 сентября 1845 г. по поводу «Двойника»: «Голядкин выиграл от моего сплина. Родились две мысли и одно новое положение» (28₁, 112). Понятие «положение», по-видимому, более или менее соответствует понятию «ситуация», оно является русским вариантом чужого по происхождению слова.¹ То или иное «положение» может оказаться в стороне от сюжетных событий, может предупреждать и вызывать эти события, может сопровождать их, наконец, — быть их результатом. Самостоятельная ценность «положения» в сравнении с «мыслью» (и добавим — характером, событием, сюжетом), судя по замечанию Достоевского, очевидна. Думается, что эта ценность находится в прямой зависимости от возможностей, которые заключены в самом существе, т. е. в логической природе таких «положений», либо возникающих по ходу повествования, либо взятых за его основу. Именно об этой логике «положений» в данном случае и пойдет речь.

Совершив преступление и убив старушонку процентщицу, Раскольников, как известно, убил не только ее, но и себя. В разговоре с Соней герой сам подчеркивает последнее обстоятельство, выдвигая его на первый план: «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!.. А старушонку эту черт убил, а не я...» (6, 322). Реакция Сони на признание Раскольникова несет тот же смысл: «Вдруг, точно пронзенная, она вздрогнула, вскрикнула и бросилась, сама не зная для чего, перед ним на колени.

— Что вы, что вы это над собой сделали! — отчаянно проговорила она и, вскочив с колен, бросилась ему на шею...» (6, 316). Но, конечно, самоубийство и убийство здесь одно и то же «дело»; и если черт

---

¹ Согласно Далю, «положение», в частности, означает: «Состоянье, обстоятельства, отношения» (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 3. С. 256). Современный словарь поясняет это значение так: «Состояние, обусловленное какими-либо обстоятельствами (...) Ситуация, в которую автор ставит героев...» (*Словарь русского языка: В 4 т. М., 1983. Т. 3. С. 266*).

руками Раскольникова расправился со старушонкой, то он же помог герою «ухлопать» вместе с ней и себя. Характерные мотивы, сопутствующие преступлению, с самого начала рисуют героя, решившегося на злое «дело», и как палача, и как жертву. Так, случайно услышав, что Лизаветы не будет дома и старуха «останется дома одна», Раскольников вернулся к себе «как приговоренный к смерти» (6, 52). «Последний же день, так нечаянно наступивший (...)» подействовал на него почти совсем механически: как будто его кто-то взял за руку и потянул за собой, неотразимо, слепо, с неестественной силой, без возражений. Точно он попал клочком одежды в колесо машины, и его начало в нее втягивать» (6, 58); «Так, верно, те, которых ведут на казнь, — думает Раскольников, идя с топором, услужливо подброшенным ему «бесом» (6, 59—60), и повинуюсь именно его неестественной силе, — прилепливаются мыслями ко всем предметам, которые им встречаются на дороге» (6, 60). В сцене ожидания у запертой двери преступник ничем не отличается от своей жертвы: «Кто-то неприметно стоял у самого замка и точно так же, как он здесь, снаружи, прислушивался, притаился изнутри и, кажется, тоже приложа ухо к двери...» (6, 61). Страх, который, как думается, должна была бы испытывать только жертва, охватывает и убийцу: «Старуха взглянула было на заклад, но тотчас же уставилась глазами прямо в глаза незваному гостю. Она смотрела внимательно, злобно и недоверчиво. Прошло с минуту; ему показалось даже в ее глазах что-то вроде насмешки, как будто она уже обо всем догадалась. Он чувствовал, что теряется, что ему почти страшно, до того страшно, что кажется, смотри она так, не говори ни слова еще с полминуты, то он бы убежал от нее» (6, 62). Немного позднее, будучи запачканным пролитой кровью, Раскольников с ужасом вслушивается в шаги человека, поднимающегося в его квартиру. Убийца оказывается на месте жертвы, которой, в отличие от него, никакие опасности, как кажется, уже не страшны: «Сюда! И вдруг показалось ему, что он точно окостенел, что это точно во сне, когда снится, что догоняют, близко, убить хотят, а сам точно прирос к месту и руками пошевелить нельзя. И наконец, когда уже гость стал подниматься в четвертый этаж, тут только он весь вдруг вострепенулся и успел-таки быстро и ловко проскользнуть назад из сеней в квартиру и притворить за собой дверь. Затем схватил запор и тихо, неслышно, насадил его на петлю (...) Кончив всё, он притаился не дыша, прямо сейчас у двери. Незванный гость был уже тоже у дверей. Они стояли теперь друг против друга, как давеча он со старухой, когда дверь разделяла их, а он прислушивался» (6, 66—67). Но теперь преступника и жертву ничто не разделяет: они заперты на один запор и находятся по одну сторону двери, какую бы дверь этот запор ни запирали — старухину ли квартиру, которую Раскольников отныне (после того, как он там, по словам Свидригайлова, «накуролесил» — 6, 373) имеет основания считать своей (поэтому-то, в частности, позднее он ее и «нанимает» — 6, 133—135), его ли жалкую каморку, в которой, как она ни мала, старуха тоже имеет все основания поселиться: «— А крюком кто ж заперся? — возразила Настасья, — ишь, запираешь стал! Самого, что ль, унесут? Отвори, голова, проснись!

„Что им надо? Зачем дворник? Всё известно. Сопrotивляться или отворить? Пропадай...”

Он привстал, нагнулся вперед и снял крюк.

Вся его комната была такого размера, что можно было снять крюк, не вставая с постели» (6, 73).

Кстати, о запоре. По-видимому, не запертая во время преступления дверь и была для Порфирия «черточкой», напоминающей среди совокупности косвенных указаний реальную улику: «— Нет, Родион Романыч, не ошибаюсь. Черточку такую имею. Черточку-то эту я и тогда ведь нашел-с; послал Господь!

— Какую черточку?

— Не скажу какую...» (6, 350). Ср. недавние его слова: «...тут видна решимость на первый шаг (...) решил, да как с горы упал или с колокольни слетел, да и на преступление-то словно не своими ногами пришел. Дверь за собой забыл притворить...» (6, 348). И раньше: «— А ведь я к вам уже заходил третьего дня вечером; вы и не знаете? (...) Зашел, а комната настезь; осмотрелся, подождал, да и служанке вашей не доложил — вышел. Не запираете?» (6, 343). И еще: «Все вместе вышли.

— Не запираешь разве? — спросил Разумихин, сходя с лестницы вслед за ним.

— Никогда!.. Впрочем, вот уж два года хочу всё замок купить, — прибавил он небрежно. — Счастливые ведь люди, которым запирасть нечего? — обратился он, смеясь, к Соне» (6, 186).

Но сам Раскольников к «счастливым людям» уже не относится: после совершенного преступления ему есть что запирасть и в чем запирасться — в противоположность Миколке, который, по убеждению Порфирия, в своих словах и взятой на себя чужой вине «еще отопрется» (6, 348). В известном смысле герой теперь более или менее всегда на крючке и запоре, закрывает ли он дверь или оставляет открытой настезь. Ср.: «Он склонился к Заметову как можно ближе и стал шевелить губами, ничего не произнося; так длилось с полминуты; он знал, что делал, но не мог сдержать себя. Страшное слово, как тогдашний запор в дверях, так и прыгало на его губах: вот-вот сорвется; вот-вот только спустить его, вот-вот только выговорить!

— А что, если это я старуху и Лизавету убил? — проговорил он вдруг и — опомнился» (6, 128; ср.: 125). Но в свое время (и в самый важный момент), следуя прежней привычке, герой не то что не мог, а действительно забыл запереться, как забыл и о своей шляпе — «смешной» и «слишком приметной» (6, 7, 60). Бес, который владел рассудком и волей Раскольникова (6, 52), ведя его на «казнь», не без злобной насмешки заставил его пропустить эти «мелочи», и тот дважды «прошляпил». Ср. также созвучие в словах «черт» и «черточка», намекающее на коварную природу этой забывчивости. Ведь если первая оплошность, при всей ее видимой примечательности, осталась никем не замеченной, то вторая имела роковые последствия: она толкнула героя еще на одно, совсем не нужное в его расчетах и лишнее убийство, так как, будь заперта дверь в квартиру, Лизавета в нее беззвучно бы не вошла.

Но вернемся на место преступления, где Раскольников, более или менее обдуманно сыграв роль палача, неожиданно для себя очутился у запертой двери в виде жертвы.

« — Да что они там, дрыхнут или передушил их кто? Тррреклятые! — заревел он (Кох. — В. В.) как из бочки (...) У, треклятые, спят они, что ли?» (6, 67). Это «они» включает всех находящихся по другую от Коха сторону двери — старуху, Лизавету и самого Раскольникова, придушенных одной петлей топора, потом запора (напомню: «он притаился не дыша») и погруженных в страшный сон («...это точно во сне, когда снится, что догоняют, близко, убить хотят», и затем: «В самом деле, точно всё это снилось» — 6, 67). Здесь же помимо старухи, Лизаветы и Раскольникова есть еще один персонаж, который, в отличие от них, не только не спит, но, как известно, и не дремлет. Это черт.

Он все время был вместе с Раскольниковым. Он всех и все знает. Ср.: « — Неужели нет никого? — звонко и весело закричал подошедший (...)

— Да черт их знает...» (Там же). И далее: «Сама мне, ведьма, час назначила (...) Да и куда к черту ей шляться, не понимаю?» (6, 67—68). Но как раз это понятно, потому что куда же, как не к черту, ведьме и шляться, только к нему. Да ей не нужно и далеко ходить, ей вообще не нужно шевелиться, ведь черт рядом. Не случайно он то и дело поминается в этой сцене:

« — Однако он, черт...

Время проходило (...)

— Однако черт! — закричал он (Кох. — В. В.) вдруг и в нетерпении, бросив свой караул, отправился тоже вниз (...)

— Господи, что же делать!

Раскольников снял запор (...) и пустился вниз.

Он уже сошел три лестницы, как вдруг послышался сильный шум ниже, — куда деваться! Никуда-то нельзя было спрятаться. Он побежал было назад, опять в квартиру.

— Эй, леший, черт! Держи!» (Там же).

В этой последовательности мотивов ясно, что черт имеет прямое отношение к Раскольникову. Однако продолжение вносит некоторую поправку и уточнение: «С криком вырвался кто-то вниз из какой-то квартиры и не то что побежал, а точно упал вниз, по лестнице, крича во всю глотку:

— Митька! Митька! Митька! Митька! Митька! Шут те дери-и-и!» (6, 68—69).

Выходит, что черта *Митькой звали*; иначе говоря, в самый тревожный и мучительный для героя момент он исчез.² «Подслуживаясь» Раскольникову в их «общем деле» (6, 53), черт оставил героя одного за это «дело» расплачиваться. И расплачиваться по полному счету.

---

² И. Ф. Анненский пишет: «Черт вошел в роман лишь эпизодически, но в мыслях место его было, по-видимому, центральное и, во всяком случае, значительное. Это несомненно» (Анненский И. Ф. Вторая книга отражений // Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 198). Автор не уточняет, какой эпизод или эпизоды он имеет в виду, но правильно замечает общую тенденцию.

Ведь закладывая «ведьме» дощечку с железной полоской, герой одновременно закладывал черту свою душу. Отсюда запоздалый страх Раскольникова перед распиской в получении даже законных денег. Ведь все такие «расписки» вносятся в конце концов в одну и ту же «книгу» — книгу собственной его судьбы и жизни. Ср.: « — По мне что же-с. Вот только бы насчет расписочки следовало бы-с.

— Нацарапает! Что у вас, книга, что ль?

— Книга-с, вот-с.

— Давайте сюда <...>

— Не надо, — сказал Раскольников, отстраняя перо.

— Чего это не надо?

— Не стану подписывать.

— Фу, черт, да как же без расписки-то?

— Не надо... денег...

— Это денег-то не надо! Ну, это, брат, врешь, я свидетель!» (6, 94).

Действительно, Разумихин может подтвердить, что Раскольникову очень и очень нужны были деньги. И хотя за деньгами Раскольников к Разумихину уже «после *того*» пришел (6, 87—89), но отправился он к нему с той же целью еще до *этого*: «Гм <...> к Разумихину я пойду, это конечно... но — не теперь... Я к нему... на другой день, после *того* пойду, когда уже *то* будет кончено и когда всё по-новому пойдет» (6, 44—45). За деньги же и вещи, которые Раскольников взял не у Разумихина, а у «ведьмы», герой, сам того не ведая, черту уже расписался — чужим и собственным потом, чужой и собственной кровью. Ср.: « — Да чтой-то вы какой бледный? Вот и руки дрожат! Искупался, что ль, батюшка?» (6, 62). И затем: «...все эти мучения до того его обессилили, что он едва двигался. Пот шел из него каплями; шея была вся смочена. „Ишь нарезался!“ — крикнул кто-то ему, когда он вышел на канаву» (6, 70). Что же касается договора с дьяволом, скреплявшегося этой распиской, то он был составлен раньше — во время мечтаний и бреда героя в углу, во время его арифметических выкладок и расчетов, оправдывавших безбрежные притязания на величие, а вместе с ними — грех и преступление. Эти выкладки и расчеты Раскольникову кажутся безупречными: «...весь анализ, в смысле нравственного разрешения вопроса, был уже им покончен: казуистика его выточилась, как бритва, и сам в себе он уже не находил сознательных возражений» (6, 58). Между тем «весь анализ» был произведен в помрачении ума, в дьявольском наваждении. Ср. ранее: «„Господи! — молил он, — покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей!“ <...> Точно нарыв на сердце его, нарывавший весь месяц, вдруг прорвался. Свобода, свобода! Он свободен теперь от этих чар, от колдовства, обаяния, от наваждения!» (6, 50). И затем:

« — О, молчите, молчите! — вскрикнула Соня <...> — От Бога вы отошли, и вас Бог поразил, дьяволу предал!..

— Кстати, Соня, это когда я в темноте-то лежал и мне всё представлялось, это ведь дьявол смущал меня? а?» (6, 321). Ср.: «Все бесы покушаются сначала помрачить наш ум, а потом уже внушают то, что хотят; ибо если ум не смежит очей своих, то сокровище наше

не будет похищено...».³ Ср. также: «Змию же лукавому, разнообразные устрояющему против нас козни с помощью наших страстей, преобразующемуся в Ангела света и вещи преобразующему в то, чем они не суть, показуя тьму светом и горькое сладким, не внимайте». И далее: «...посмотри (...) каково тщание и рачение у диавола; как он, *яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити* (1 Петр. 5:8), кого схватить, как ловитву, отчасти или всецело. Ибо он, когда ухватит кого отчасти, не довольствуется тем, но все простирается на худшее, пока не причинит смерти греховной, — именно: во-первых, покушается он сделать, чтоб мы приняли прилог, потом, чтоб в сердце замыслили что-либо худое; осквернив же и заразив таким образом душу, он соблазняет ее выступить из пределов естества и делает ее безумною (...) и слепую, стремящуюся к недолжному: вместо света ко тьме, вместо сладости к горести, вместо жизни к смерти».⁴ Существует четыре ступени греха, постепенно овладевающего сердцем и мыслью человека: «...помышлять о грехе, соглашаться с помышлением, выражать словом греховное помышление; четвертое же — исполнять это помышление делом. В последнем случае уже не отвращается гнев Божий».⁵

Именно потому, что черт уже владел достаточно надежной распиской и закладом, он и мог себе позволить отчасти добровольно, отчасти вынужденно (поскольку не его позвал Раскольников в тяжелую минуту, ср.: «Господи, что же делать!») отлучиться, чтобы вслед за этой минутной отлучкой тотчас пуститься с героем в «новую жизнь». Ср.: «„Что, неужели уж начинается, неужели это уж казнь наступает? Вон, вон, так и есть!“ Действительно, обрезки бахромы, которую он срезал с панталон, так и валялись на полу, среди комнаты, чтобы первый увидел! „Да что же это со мною!“ — вскричал он опять как потерянный» (6, 72), и затем, когда Раскольников уже «схоронил концы» и тщательно уничтожил все «улики»: «А черт возьми это всё! — подумал он вдруг в припадке неистощимой злобы. — Ну началось, так и началось, черт с ней и с новой жизнью!» (6, 86). И, уж конечно, он с ней, с этой «новой жизнью», потому что ради нее черт герою так и «подслуживался» (6, 53).

Позднее Раскольников говорит Соне: «Я хотел тебе только одно доказать: что черт-то меня тогда потащил (на преступление, на «общее

---

³ Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. 7-е изд. Сергиев Посад, 1908. С. 129.

⁴ Св. отца нашего Феодора Студита Подвижнические монахам наставления // Добротолюбие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. Т. 4. С. 409, 414; ср., 512—513.

⁵ Отечник, составленный святителем Игнатием (Брянчаниновым). 3-е изд. СПб., 1891. Ч. 1. С. 369. Эти четыре ступени обнимают более дробное деление нарастающей силы греховного состояния, обычно встречающееся в православной аскетике. См., например: Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица... С. 125. В любом случае греховное помышление предшествует делу. Ср.: «Не злоупотребляй мыслями, чтоб по необходимости не злоупотребить и вещами: ибо если прежде не согрешишь мысленно, то никогда не согрешишь делом» (Св. Максим Исповедник // Добротолюбие. Т. 3. С. 191). Соображение о том, что теория Раскольникова, ведущая его к злодейству, и является главным его преступлением, была высказана одним из ранних критиков романа. — А. М. Бухаревым. См. об этом: *Дмитриев А. П.* А. М. Бухарев (архимандрит Феодор) как литературный критик // *Христианство и русская литература*: Сб. 2. СПб., 1996. С. 191.

дело». — В. В.), а уж после того мне объяснил, что не имел я права туда ходить, потому что я такая же точно вошь, как и все! Насмеялся он надо мной, вот я к тебе и пришел теперь! Принимай гостя! Если б я не вошь был, то пришел ли бы я к тебе?» (6, 322). Вопрос о том, почему он пришел к Соне, не так прост, как герой думает. Но то, что черт над ним посмеялся, — это точно.

Поманив мечтой быстрого и легкого достатка, черт обратил в ничто, в совершенный хлам тот «капитал», который Раскольников добывал с такой мукой.⁶ Ср.: «— А тебе бы сразу весь капитал?

Он странно посмотрел на нее (Настасью. — В. В.).

— Да, весь капитал, — твердо отвечал он помолчав.

— Ну, ты помаленьку, а то испужаешь; страшно уж очинна» (6, 27). И затем: «...Что у те в руках-то?

Он взглянул: в правой руке у него отрезанные куски бахромы, носок и лоскутья вырванного кармана. Так и спал с ними. Потом уже, размышляя об этом, вспоминал он, что, и полупросыпаясь в жару, крепко-накрепко стискивал всё это в руке и так опять засыпал.

— Ишь лохмотьев каких набрал и спит с ними, ровно с кладом... — И Настасья закатилась своим болезненно-нервическим смехом. Мигом сунул он всё под шинель и пристально впился в нее глазами» (6, 73). И еще: «— Бредил я что-нибудь?

— Еще бы! Себе не принадлежали-с.

— О чем я бредил? (...)

— Эх ведь наладит! Уж не за секрет ли какой боишься? Не беспокойся: о графине ничего не было сказано. А вот о бульдоге каком-то, да о сережках, да о цепочках каких-то, да о Крестовском острове (...) много было говорено. Да кроме того, собственным вашим носком очень даже интересоваться изволили, очень! Жалобились: подайте, дескать, да и только. Заметов сам по всем углам твои носки разыскивал и собственными, вымытыми в духах, ручками, с перстнями, вам эту дрянь подавал. Тогда только и успокоились, и целые сутки в руках эту дрянь продержали; вырвать нельзя было (...). А то еще бахромы на панталоны просил, да ведь как слезно! Мы уж допытывались: какая там еще бахрома? Да ничего разобрать нельзя было...» (6, 98—99).

Черт не просто обобрал героя до бахромы и нитки. Он ограбил его более капитально, отняв жизнь, не имевшую в глазах Раскольникова до поры до времени особой цены, а потом обернувшуюся величайшим богатством даже на «аршине пространства» (6, 123, 132, 147, 327), и покусившись на его душу. «Таково-то коварство дьявола: доверившихся ему он выводит за пределы, положенные для нас Богом, как будто бы мы могли иметь гораздо более (...) А обольстив нас такими надеждами и лишив благодати Божией, он не только ничего более не сообщает нам (...) но и не допускает возвратиться в прежние пределы, в которых

---

⁶ Это трансформация фольклорного мотива: богатство, получаемое с помощью нечистой силы, превращается в рухлядь, навоз, рассыпается прахом, исчезает (ср., например, у Гоголя «Заколдованное место»). В сущности так же обстоит дело и в христианских понятиях, с той разницей, что здесь любое богатство (материальной природы) — пепел и прах, оно не заслуживает заботы.

мы были безопасны, а всюду заставляет нас блуждать и нигде не дает остановиться. Таким образом он и первозданного человека довел до изгнания из рая. Наделив его надеждою большего ведения и почести, диавол лишил его и того, чем он прежде спокойно пользовался. Человек не только не сделался равным Богу, как обещал ему диавол, но и подпал под иго смерти...»⁷ Примерно в таком положении оказался Раскольников, когда он сделал свое и не свое «дело» и убил как других, так и себя.

В соответствии с логикой этого положения герой уже никак не может оставаться вполне живым. Он «помертвел» после первого же убийства (хотя с самого начала, т. е. еще до преступления, но, конечно, в связи с ним он был не очень здоров⁸): «Вдруг послышалось, что в комнате, где была старуха, ходят. Он остановился и притих, как мертвый» (6, 64). И второе убийство, разумеется, не могло его оживить: «„Не скользнуть ли разве в подворотню какую-нибудь и переждать где-нибудь на незнакомой лестнице? Нет, беда! А не забросить ли куда топор? Не взять ли извозчика? Беда! беда!“ Наконец вот и переулоч; он поворотил в него полумертвый...» (6, 69—70). После нескольких часов, проведенных в бреду, лихорадочном (и не только лихорадочном) жару и ознобе (6, 71, 73), Раскольников решил «выйти куда-нибудь и <...> выбросить <...> сейчас, сию минуту, не медля!...» все запятнанное кровью тряпье, но «опять оледенил его нестерпимый озноб <...> Он порывался с дивана несколько раз, хотел было встать, но уже не мог. Окончательно разбудил его сильный стук в двери.

— Да отвори, жив аль нет? И все-то он дрыхнет! — кричала Настасья, стуча кулаком в дверь, — целые дни-то деньские, как пес, дрыхнет! <...>

— А може, и дома нет! — проговорил мужской голос.

„Ба! это голос дворника... Что ему надо?“» (6, 72).

Сцена явно переключается с той, что происходила у старухиной двери, словно дворник, за которым отправился Пестряков, а потом Кох («...пойдемте-ка за дворником; пусть он их сам разбудит» — 6, 68), наконец явился. И хотя, как правильно говорит Настасья, Раскольников вообще целыми днями спит, на этот раз, впервые запершись в своей камерке на крюк, он спит иначе — он спит, как мертвый. Поэтому на вопрос Настасьи он не мог бы сказать ни да, ни нет, точно так

---

⁷ Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого, архиепископа Константинопольского Избранные творения. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова. М., 1993. Т. 1. С. 55.

⁸ И. Ф. Анненский пишет: «...наказание в романе чуть что не опережает преступление» (Анненский И. Вторая книга отражений. С. 191). Если с болезнью героя увязывать представление о наказании (а так здесь и следует сделать), то наказание действительно начинается до преступления (факта убийства) и именно — с греховной мысли о его дозволенности. Раньше, чем И. Ф. Анненский, и с большей определенностью, чем он, сходную идею высказал А. М. Бухарев, по мнению которого, само злодеяние Раскольникова, будучи прямым результатом преступной теории, — в известном смысле «казнь» за нее. См.: Дмитриев А. П. А. М. Бухарев (архимандрит Феодор) как литературный критик. С. 192. К этой же мысли с другой стороны пришел Синья Кори в докладе «Смерть в сюжетном построении романа „Идиот“», прочитанном в мае 1996 г. в Старой Руссе и публикуемом в наст. издании («Можно сказать, что для Раскольникова убийство есть смертная казнь, преступление есть наказание». С. 136). Ср. также: *Кожин* В. «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского // Три шедевра русской классики. М., 1971. С. 175—176.

же как не мог бы с полной уверенностью отвергнуть предположение дворника. Герой жив и нет. Он дома и не дома.

Мотив *ни живой, ни мертвый*, точнее — *еще живой и уже мертвый*, отмечает грань, с которой начинается для Раскольникова «новая жизнь». Она выражается в том, что герой теперь находится одновременно и на этом, и на том свете. Позволив себе переступить известную черту, Раскольников неожиданно для себя шагнул гораздо дальше, чем ему бы хотелось, и ступил за пределы живого мира.⁹ Вот главное следствие его «дела», не предусмотренное никаким расчетом. А между тем здесь нет ничего удивительного: если начало наших действий и сами действия в нашей воле (так, Раскольников мог соглашаться и не соглашаться с греховной мыслью, действовать в соответствии с ней и не действовать), то их результаты от нас не зависят. Ср. сказанное преп. Максимом Исповедником: «Все наши добрые и дурные дела зависят от нашего произволения; не в нашей же власти — наказания и бедствия, случающиеся с нами, а равно и противоположное им».¹⁰

Причастность иному миру резко выделяет героя из среды живых людей. Отсюда ледяной, нездешний холод, который охватывает Раскольникова сразу после убийства и который позднее вновь и вновь подступает к нему. Отсюда безразличие и пустота, «мрачное ощущение мучительного, бесконечного уединения и отчуждения», вдруг сказавшиеся его душе: «Если б его приговорили даже сжечь в эту минуту, то и тогда он не шевельнулся бы (...) С ним совершалось что-то совершенно ему незнакомое, новое, внезапное и никогда не бывалое. Не то чтоб он понимал, но он ясно ощущал, всю силу ощущения, что не только с чувствительными экспансивностями, как давеча, но даже с чем бы то ни было ему уже нельзя более обращаться к этим людям, в квартальной конторе, и будь это всё его родные братья и сестры, а не квартальные поручики, то и тогда ему совершенно незачем было бы обращаться к ним (...) он никогда еще до сей минуты не испытывал подобного странного и ужасного ощущения» (6, 81—82). Конечно, Раскольников и раньше был одинок: «Он решительно ушел от всех, как черепаха в свою скорлупу, и даже лицо служанки, обязанной ему прислуживать и заглядывавшей иногда в его комнату, возбуждало в нем желчь и конвульсии» (6, 25—26). Но тогдашнее одиночество было вполне добровольным; при желании Раскольников мог выйти из него без особых усилий (6, 11). Однако то «мучительнейшее ощущение» глубокого отчуждения от всех и каждого, которое он испытал в квартальной конторе (6, 82), уже не в его власти. Оно и в дальнейшем преследует героя. Первая же попытка обратиться к доброму, умному

---

⁹ На то, что главный герой «Преступления и наказания» принадлежит «мертвой жизни», обратил особое внимание Кэньносукэ Накамура. Он толкует это наблюдение в плане характеристики своеобразного душевного строя и мировосприятия Достоевского (как их исследователь понимает). См.: Накамура К. Две концепции жизни в романе «Преступление и наказание» (Ощущение жизни и смерти в творчестве Достоевского) // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 1. Ч. 1. СПб., 1993. С. 89—120.

¹⁰ См.: Житие преподобного Максима Исповедника // Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. М., 1904. Кн. 5 (январь), ч. 2. С. 215.

и отзывчивому человеку, ни для кого другого не составившая бы никакого труда, для Раскольникова кончается провалом: «Подымаясь к Разумихину, он не подумал о том, что с ним, стало быть, лицом к лицу сойтись должен. Теперь же, в одно мгновение, догадался он, уже на опыте, что всего менее расположен, в эту минуту (а затем выясняется, что и не только в эту; ср.: 6, 99, 101, 102, 119, 120 и др. — В. В.), сходитьсь лицом к лицу с кем бы то ни было в целом свете» (6, 88). Между тем видеть лицо другого — утешение даже и в адской муке: «Авва Макарий рассказывал: однажды, проходя пустыней, я нашел череп какого-то мертвеца, валявшийся на земле. Когда ударил я череп пальмовой палкой, он что-то проговорил мне. Я спросил его: кто ты? Череп отвечал мне: я был главным жрецом идолов и язычников, которые жили в этом месте, — а ты Макарий духоносец. Когда ты, сжалившись о страждущих в мучении, начнешь молиться о них, они чувствуют некоторую отраду. Старец спросил его: какая это отрада и какое мучение?». Тот «говорит ему: на сколько небо отстоит от земли, на столько под нами огня, и мы от ног до головы стоим среди огня. Нельзя никому из нас видеть другого лицом к лицу. У нас лицо одного обращено к спине другого. Но когда ты помолишься о нас, то каждый несколько видит лицо другого. Вот в чем наша отрада».¹¹ Она возникает на почве сродства, известной общности, соединяющей тех, кто томится в адской муке. Но, с другой стороны, известное сродство и общность безусловно соединяют и живых людей. И если Раскольников не находит утешения в том, чтобы видеть другого или других, и не расположен «сходитьсь лицом к лицу с кем бы то ни было в целом свете», это значит, что он и в самом деле слишком далек от этого света и тех, кто в нем. Герой едва слышит их или совсем не слышит, едва отвечает им или совсем не отвечает, словно он онемел и оглох, словно родной и живой язык внезапно стал ему чужим: «Раскольников молча взял немецкие листки статьи, взял три рубля и, не сказав ни слова, вышел. Разумихин с удивлением поглядел ему вслед. Но (...) Раскольников вдруг воротился (...) и, положив на стол и немецкие листы, и три рубля, опять-таки ни слова не говоря, пошел вон.

— Да у тебя белая горячка, что ль! — заревел взбесившийся наконец Разумихин. — (...) Зачем же ты приходил после этого, черт?

— Не надо... переводов... — пробормотал Раскольников, уже спускаясь с лестницы.

— Так какого же тебе черта надо? — закричал сверху Разумихин. Тот молча продолжал спускаться.

— Эй, ты! Где ты живешь?

Ответа не последовало.

— Ну так чер-р-рт с тобой!..».

Как видим, Раскольников здесь нем. И не только нем, но и глух. Ср. продолжение: «На Николаевском мосту ему пришлось еще раз вполне очнуться (...) Его плотно хлестнул кнутом по спине кучер одной коляски, за то что он чуть-чуть не попал под лошадей, несмотря на то что кучер

---

¹¹ Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 111.

раза три или четыре ему кричал. Удар кнута так разозлил его, что он, отскочив к перилам (...) злобно заскрежетал и защелкал зубами» (6, 89). Именно тут, на мосту, он вспомнил обычное свое впечатление от окружавшей его «великолепной панорамы». «Дух немой и глухой», которым веяло всегда на него от этой «пышной картины» (6, 90), был уже с ним и в нем, где бы герой теперь ни жил, вернее — где бы он теперь ни обретался:¹² «Уж одно то показалось ему дико и чудно, что он на том же самом месте остановился, как прежде (...) В какой-то глубине, внизу, где-то чуть видно под ногами, показалось ему теперь всё это прежнее прошлое, и прежние мысли, и прежние задачи, и прежние темы, и прежние впечатления, и вся эта панорама, и он сам, и всё, всё... Казалось, он улетал куда-то вверх и всё исчезало в глазах его... Сделав одно невольное движение рукой, он вдруг ощутил в кулаке своем зажатый двугривенный (тот самый, который ему только что подали «ради Христа». — В. В.). Он разжал руку, пристально поглядел на монетку, размахнулся и бросил ее в воду (...) Ему показалось, что он как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего в эту минуту» (6, 90). Герой уже сознательно (но опять-таки не без пособничества нечистой силы, у которой «всё старание о том, чтобы ввергнуть тебя в безнадежность, как скоро падешь»¹³) обрезает концы, связывающие его с людьми и прежней жизнью, и вместе с двугривенным хоронит их в воду. Это не значит, однако, что ему действительно удается их похоронить.

Парадоксальным образом выходит так, что чем ближе герою мир мертвых, тем более чужим и мертвым кажется ему мир живых: «Народ расходился, полицейские возились еще с утопленницей, кто-то крикнул про контору... Раскольников смотрел на всё с странным ощущением равнодушия и безучастия (...) Сердце его было пусто и глухо» (6, 132). И далее: «„Так идти, что ли, или нет“ (в контору, чтобы на себя донести. — В. В.), — думал Раскольников, остановясь посреди мостовой на перекрестке и осматриваясь кругом, как будто ожидая от кого-то последнего слова. Но ничто не отозвалось ниоткуда; всё было глухо и мертво, как камни, по которым он ступал, для него мертво, для него одного...» (6, 135). «Мертво» потому, что мертв он сам. Отсюда в дальнейшем мотив воскресения (см., например: 6, 239, 322). Отсюда недоумение и страх, которые Раскольников теперь у других вызывает (см., например: 6, 169, 170, 173, 176 и др.). Отсюда забывчивость и видимая несообразность его слов и поступков (сквозной мотив его безумия, «помешанности»), которую с тяжелым чувством замечают люди, как только они сталкиваются с героем, почти потерявшим с ними всякую связь: «— Ты и теперь ее любишь! (речь идет о дочери хозяйки. — В. В.) — проговорила растроганная Пульхерия Александровна.

---

¹² Ср. евангельский рассказ об исцелении бесноватого: «Иисус (...) запретил духу нечистому, сказав ему: дух немый и глухий! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него» (Мк. 9:25). Ср. также мотив злобного скрежета и шелканья зубов: скрежешут и шелкают зубами либо бесы, либо грешники, находящиеся в их власти.

¹³ Св. Ефрем Сирийнин. Уроки о покаянии // Добротолюбие. Т. 2. С. 348.

— Ее-то? Теперь? Ах да... вы про нее! Нет. Это всё теперь точно на том свете... и так давно. Да и всё-то кругом точно не здесь делается (...) Вот и вас... точно из-за тысячи верст на вас смотрю!..» (6, 178). Вслед за этими признаниями «каморка» героя (она же — «шкаф», «клетушка», «сундук», «морская каюта» — 6, 5, 25, 35, 45, 93, 111) впервые именуется «гробом»: «— Какая у тебя дурная квартира, Родя, точно гроб, — сказала вдруг Пульхерия Александровна, прерывая тягостное молчание (...)

— Квартира? — отвечал он рассеянно. — Да, квартира много способствовала... я об этом тоже думал... А если б вы знали, однако, какую вы странную мысль сейчас сказали, маменька, — прибавил он вдруг, странно усмехнувшись» (6, 178). Уподобление, сделанное матерью, для героя имеет слишком прямой и горький смысл (ср. далее: 6, 183).

В этом «гробу», в этой «морской каюте» Раскольников и «вояжирует». И тогда, когда он там лежит (покоится), и тогда, когда он оттуда выходит и «куролесит» (6, 194, 373). Ведь и наяву он продолжает спать. Ср. слова Разумихина: «Не беспокойтесь, пожалуйста, это он только так... опять вояжирует. С ним, впрочем, это и наяву бывает...» (6, 94), и затем слова Свидригайлова: «Очень уж вы себя выдаете, Родион Романыч (...) Вы выходите из дому — еще держите голову прямо. С двадцати шагов вы уже ее опускаете, руки складываете назад. Вы смотрите и, очевидно, ни пред собою, ни по бокам уже ничего не видите. Наконец, начинаете шевелить губами и разговаривать сами с собой (...) наконец, останавливаетесь среди дороги надолго. Это очень нехорошо-с. Может быть, вас кое-кто и замечает, кроме меня, а уж это невыгодно» (6, 357). «Невыгодно» потому, что Раскольников чересчур явно «выдает» себя в своем особом качестве — в качестве человека «не от мира сего», ср. далее впечатление Дунечки (6, 374).

«— А вы знаете, что за мною следят? — спросил Раскольников, пытливо на него взглядывая.

— Нет, ничего не знаю (...)

— Ну так и оставим меня в покое, — нахмурившись, пробормотал Раскольников.

— Хорошо, оставим вас в покое» (6, 357).

Лихорадочно действуя или оставаясь в мертвом покое (ср.: «А теперь я вижу, что ничего мне не надо (...) совсем ничего... ничьих услуг и участия... Я сам... один... Ну и довольно! Оставьте меня в покое!»; и затем о старухе: «Царство ей небесное и — довольно, матушка, пора на покой!» — 6, 88, 147), Раскольников «вояжирует» в том направлении, в каком раньше его двинулся, а потом и скрылся Свидригайлов (ср. его «вояж» в «Америку» — 6, 222, 224, 237, 384—386, 394), — в направлении того света и на том свете. Подчеркнем характерный в этом отношении мотив «Америки», который, до того как прозвучать в устах Свидригайлова, появляется сначала в размышлениях Раскольникова: «Что ж это? Бред ли это всё со мной продолжается или взаправду? Кажется, взаправду... А, вспомнил: бежать! скорее бежать, непременно, непременно бежать! Да... а куда? (...) Я возьму деньги и уйду, и другую квартиру найму, они не сыщут!..

⟨...⟩ Найдут! ⟨...⟩ Лучше совсем бежать... далеко... в Америку...» (6, 99—100). Ср. позднее совет Свидригайлова: «...уезжайте куда-нибудь поскорее в Америку! Бегите, молодой человек! Может, есть еще время» (6, 373). К тому моменту, когда Свидригайлов предлагает Раскольникову бежать в Америку, молодой человек успел далеко захватить в указанную сторону. Ведь Америка здесь значит, между прочим: «новый свет», т. е. в данном случае иной и тот свет в сравнении с прежним и этим. Туда нельзя опоздать (ср.: «Может, есть еще время»), так как даже если человек задержался тут, на этом свете, из этого не следует, что он припозднился там. Переступая порог смерти, человек переступает порог вечности. Он засыпает сном, который, как всякий сон, не знает обычного счета времени: «Иной раз казалось ему, что он уже с месяц лежит; в другой раз — что всё тот же день идет» (6, 92; ср. также: 335—336). Далее: «— А, не спишь, ну вот и я! ⟨...⟩

— Который час? — спросил Раскольников, тревожно озираясь.

— Да лихо, брат, поспал: вечер на дворе, часов шесть будет ⟨...⟩

— Господи! Что ж это я!..

— А чего такого? На здоровье! Куда спешишь? На свидание, что ли? Всё время теперь наше» (6, 100). И затем слова Порфирия Раскольникову: «— Да-да-да! Не беспокойтесь! Время терпит, время терпит-с...» (6, 255). И еще: «Господи! Да что вы это! ⟨...⟩ да не беспокойтесь, пожалуйста ⟨...⟩ время терпит, время терпит-с...» (6, 257).

«Время терпит» тогда, когда его нет, когда оно остановилось.

Сны, мучающие Раскольникова в его смертном сне и связанные с «хождением души по мытарствам», даны в логике указанного общего положения: герой жив и мертв, он находится на этом и на том свете. Но «хождение души по мытарствам» в «Преступлении и наказании» — предмет особой статьи.